

5. ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. — Оп. 1. Кн. 40.
6. П а н а ш е н к о В. В. Крымське ханство у XV—XVIII ст. // Український Історичний журнал. — 1989. — № 1.
7. С м и р н о в В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. — СПб., 1887.
8. В о д а р с к и й Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — нач. XX вв.) — М., 1973.
9. Б а р а н о в и ч А. И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки. — № 32.
10. Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воеводство. — К., 1931.
11. ЦГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом, оп. 1 кн. 32. Расходная книга выкупа пленных.
12. А л е к с е е в А. И. Береговая черта. — Магадан, 1987.
13. Г р е к о в Б. Д., Я к у б о в с к и й А. Ю. Золотая орда и ее падение. — М.-Л., 1950. — С. 412, 424—425.
14. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. — М., 1984.
15. Г р у ш е в с к и й М. С. Иллюстрированная история Украины. — СПб., б/г.
16. З а б о р о в с к и й Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. — М., 1981.
17. С а н и н Г. А. Взаимоотношения России и Правобережной Украины на рубеже 60—70-х гг. XVII в. Автореф. канд. дисс. — М., 1970.
18. Х о р о ш к е в и ч А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. — М., 1980.
19. Ш м и д т С. О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи до XVII в. — М., 1967.
20. Б у р д е й Г. Д. Русско-турецкая война 1569 г. — Саратов, 1962.
21. Н о р н М. Chronologia i zabytk najzdow tatarskich w latach 1600—1647. — Studia i materialy do Historii wojskowosci. Т. VIII.
22. З а б о р о в с к и й Л. В. Крымский вопрос во внешней политике России и Речи Посполитой в 40-х — середине 50-х годов XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. — М., 1979.
23. С а н и н Г. А. Русско-польские отношения 1667—1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. — М., 1979.
24. Історія Української РСР. — Т. 2. — К., 1979.

Н. Г. НОВИЧЕНКОВА

ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО: АТРИБУТИКА ОБРЯДНОСТИ СВЯТИЛИЩА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ВОЗЗРЕНИЯМИ СКИФОВ

Святылище у перевала Гурзуфское Седло было связано с культом плодородия в скотоводческой среде и существовало на всем протяжении античности и средневековья, что свидетельствует об устойчивой традиции (1, с. 307—308; 2, с. 327—328; 3, с. 282; 4, с. 382; 5, с. 91—92).

Самые ранние находки античного времени: дротики, акинак, втульчатые наконечники стрел, бронзовые проволочные браслеты, серьги гвоздевидной формы, Т-образная булавка, лепная керамика, бронзовые спиральные пронизи, — находят аналоги среди таврских и скифских древностей и соответствуют инвентарю таврских могильников из каменных ящичков. В слоях первого этапа античной истории памятника (VI—I вв. до н. э.) остеологический материал представлен наилучшим образом: многочисленными скоплениями челюстей и зубов жертвенных животных, преимущественно крупного рогатого скота, распространенных на площади в несколько сотен квадратных метров.

Отдельные элементы этого обряда прослеживаются в таврских могильниках, в частности в Гаспре (6, с. 77), и в пещерных святилищах раннего железного века Горного Крыма (7, с. 138—142), то есть своим происхождением они связаны с местной средой, где особое значение придавалось использованию в обрядах жертвоприношений черепов либо челюстей животных. Для святилища данного периода характерно отсутствие признаков, указывающих на применение в обрядах огня.

Со второй половины IV в. до н. э. на Гурзуфском Седле появляются изделия античного импорта, представленные преимущественно фрагментами амфор Гераклеи, Синопя, Родоса, Книда. Немало обломков коричневоглиняных амфор, а также светлоглиняных и красноглиняных с двустольными ручками. Открытие этого памятника определяет новый район на карте Северного Причерноморья — район Главной гряды Крыма, в который, начиная с этого пери-

ода, по первые века н. э. постоянно поступал античный импорт.

Наиболее активно святилище функционировало в I в. до н. э. — I в. н. э. В конце I в. до н. э. в нем получили распространение обряды сожжения, в соответствии с чем изменились его облик и способ передачи жертвы божествами. Новый комплекс, предназначенный для обрядов, связанных с огнем, имеет редкую для культовых памятников Северного Причерноморья сохранность, позволяющую изучить его планировку, стратиграфические особенности, зафиксированную в археологических реалиях атрибутику обрядности. Это самый короткий и вместе с тем наиболее яркий период в длительной истории бытования святилища, который можно характеризовать как его расцвет.

Центр культового комплекса представлял открытую площадку в виде неправильного широкого незамкнутого овала, ось которого имела направление на северо-северо-запад (Рис. 1). Максимальный диаметр площадки в направлении с запада на восток составляет 30 м. Границы центра были отмечены ямками, расположенными по периметру в виде двух параллельных кривых, дугообразно очерчивающих центр с востока, севера и запада. Ямки дополнялись необработанными камнями, достигающими 20—50 см в поперечнике, прикрывающими их или расположенными рядом вдоль линии этого своеобразного ограждения.

Большинство ямок предназначалось для жертвоприношений. В них обнаружены остатки сожжений, совершенных на стороне (в заполнении содержатся примесь золы, множество расслоившихся зубов, челюсти), немало различных votивных предметов. В дальнейшем ограждение дополнялось новыми ямками. Наблюдаются группы из двух-трех слившихся друг с другом ямок. Наиболее поздние из них возникли в 20-х — начале 30-х гг. II в.

Святилище имело четко организованную структуру, в соответствии с чем в сакральном центре выделяются различные по своему функциональному назначению участки, порядок использования которых был неизменен и не нарушался. На участках скалы совершались обряды сожжения, а на поверхности материковой глины располагались специально подготовленные площадки для размещения votивных приношений. В геометрическом центре комплекса находилось скопление из двух десятков ямок, в каждой из которых найдены монеты и прочие votивы. Судя по каменному развалу, над этим скоплением, видимо, из необработанных камней был сооружен жертвенник. Еще одна группа ямок располагалась в виде широкой полосы приблизительно по центральной оси овала и как бы соединяла геометрический центр с северо-западной частью ограждения. Слой центра имели небольшую толщину — от 3 до 30 см. Сакраль-

ный центр был окружен зольником, имевшим толщину до 40 см, насыщенным костной золой, мелкими фракциями пережженных костей, в нем встречаются небольшие отдельные скопления из непережженных челюстей и зубов. Вероятно, зольник служил для сыпания остатков сожжений, от которых периодически очищались соответствующие участки центра.

Тщательно продуманная планировка культового комплекса, связанная с реализацией сложной пространственной структуры, отразившей, видимо, определенные космогонические представления, поддержание всего комплекса в неизменном порядке, свидетельствуют об общественном характере организации и использования святилища, а коллекция ценнейших votивов — о немалом его значении. При создании нового культового комплекса были использованы votивные предметы, в своей совокупности закодировавшие его сакральный смысл: серебряные и бронзовые статуэтки богов и обожествленных животных, монеты, оружие, сосуды и проч. Множество фрагментов кольчуги было разбросано по всему святилищу. Создание нового комплекса, связанное с реформой культа, было вызвано расширением круга божеств, появлением пантеона, важнейшее место в котором занимал культ божества огня.

Различные участки комплекса предназначались для определенных групп божеств. Каждое из них было представлено парой статуэток. В геометрическом центре группировались скульптурные изваяния Зевса (Рис. 3 — 1, 5) и Посейдона (Рис. 2 — 1, 3 — 4), здесь же находилась фигурка коня. Статуэтки Исиды (Рис. 2 — 2, 4) размещались на концах осевой линии: одна в геометрическом центре, другая — возле ограждения. Внутри ограждения, тяготея к нему, располагались статуэтки Гермеса (Рис. 2 — 7), Аполлона (Рис. 2 — 9), в самих ямках в северо-западной части найдены изваяния Артемиды, Кибелы (Рис. 3 — 2) и Тьюхе (Рис. 2 — 3). В зольнике лежали скульптурные изображения Ареса (Рис. 3 — 3) и змеи, возле вершины — фигурка орла. Лишь одно из антропоморфных изображений представлено в единственном экземпляре — это Арес. Вторая статуэтка могла не сохраниться — в святилище обнаружено множество расплавленных до бесформенного состояния бронзовых и серебряных предметов. Но в зольнике найден меч — атрибут Ареса, причем меч не греческий, а скифский. В каждой паре статуэток одна была преднамеренно разломана либо отделена от постамента, вторая сохранялась в целом виде. Например, бронзовое изваяние Артемиды оказалось расчлененным на три части, которые побывали в огне и затем были уложены в святилище по отдельности: торс найден в одной из ямок, голова в другой, а ноги — на материке в стороне от ограждения.

Все статуэтки, обнаруженные в святилище у перевала Гурзуфское Седло, происходят из описанного культового комплекса. Ни до его возникновения, ни после прекращения его использования ничего подобного сюда не приносили. Две поломанных статуэтки Кибелы и Тюхе, найденные к северу от него, безусловно, связаны с его бытованием. В святилище также обнаружены скульптурные украшения с изображениями Афродиты, спящего Пана (Рис. 2 — 8), бодящихся козлов, пантеры; две гермы, вотивные руки (Рис. 2 — 6) и т. д.

Новый комплекс возник сразу, от предшествующего времени его отделяет определенная грань. Вместе с тем, святилище эпохи расцвета генетически связано с предыдущим периодом. Несмотря на ряд инноваций и перемен, в его развитии прослеживается преемственность, выражающаяся в принесении в жертву домашнего скота, в неизменном использовании в обрядах жертвоприношений челюстей и зубов жертвенных животных, и не только в античный период, но и в средневековье. Сохранение этой преемственности согласуется с не вызывающим возражений представлением о том, что местное население Горного и Южнобережного Крыма традиционно занималось отгонным скотоводством (8, с. 13).

В поисках ответа на вопрос о роли и месте святилища в конкретной историко-культурной среде, о причинах и характере изменений мы сталкиваемся с рядом проблем. Требуется объяснения противоречия, выражающегося в поразительном несоответствии комплекса ценных вотивов непритязательному внешнему облику и атрибутике обрядности. Планировка памятника нерегулярная, не имеющая четко выраженной геометрической формы, с неровными, произвольными очертаниями, с использованием исключительно необработанных камней. Отметим также полное отсутствие в святилище посвячительных надписей. Материальная культура населения, обитавшего на прилегающей и окружающей его территории в эпоху эллинизма и в первых веках н. э., недостаточно изучена, а само святилище периода расцвета настолько хорошо сохранилось, что в полной мере его невозможно сопоставить с другими, значительно уступающими ему по сохранности, культовыми сооружениями Северного Причерноморья; сравнению поддаются лишь отдельные детали его устройства.

Родственные черты обнаруживаются в Ауткивском святилище, возникновение которого приблизительно совпадает по времени с возведением культового комплекса на Гурзуфском Седле: скопление челюстей животных (овцы, свиньи, собаки), изумившее А. Л. Берье-Делларда, целые и разбитые статуэтки, множество монет. Исследователем отмечено, что статуэтки лежали отдельно в одном из углублений, а

монеты были разбросаны на материке и встречались в его «впадинах», образуя скопления (9, с. 19—21). Но в этом «лесном» святилище не наблюдается ни остатков какого-либо сооружения, ни признаков применения в обрядах огня, ни использования в качестве жертвы особой крупного рогатого скота.

Одни исследователи связывали этот памятник с таврскими древностями (10, с. 254—255; 11, с. 85), другие отрицали наличие каких-либо этнических черт (12, с. 19), считали его общекрымским (13, с. 156). Видимо, при опоре исключительно на анализ вещей, в частности монет, подобную трактовку может получить и святилище у перевала Гурзуфское Седло (12, с. 19).

Но в характеристике культуры очень важна нематериальная ее сторона, археологически не фиксируемая (14, с. 128), о которой можно судить по косвенным признакам. В изучении такого специфического памятника как святилище, в определении его «этнических черт», в поисках причин, вызвавших перемены в его устройстве и обрядности (будь-то культурное воздействие или что-то иное), нельзя ориентироваться только на внешний облик вещей, к тому же для периода, когда в Крыму наблюдается нивелировка материальной культуры. И памятник представляет возможность использовать критерии из сферы культуры ритуальной. Резкая смена обряда, появление культа огня с его божествами, сооружение нового ритуального комплекса должны быть чем-то обусловлены. Можно ли это связывать с процессами эволюционного характера, происходившими внутри самого общества? Такое предположение представляется не лишним основанием, причем коренная трансформация идеологии, которая проявляется в реформе старого культа, в создании пантеона, свидетельствует о качественном сдвиге в общественном развитии. Обычно этому сопутствует восприятие идеологической доктрины соседней цивилизации, иноземного вероучения, что характеризуется использованием соответствующих культовых предметов, возведением новых ритуальных комплексов (15, с. 71).

Культовый огонь, имеющий индоевропейскую основу, всегда был связан с личностью царя или вождя, исполнявшего на религиозном празднике жреческие функции, а через него с представлением о благополучии возглавляемого им коллектива. Царь выступал как носитель безопасности и благополучия народа и, в первую очередь, плодородия земли (16, с. 266—268; 17, с. 193).

Отчуждение и концентрация в руках богатых владельцев избыточного поголовья открывали возможности для торгового обмена и трансформации натурального прибавочного продукта в престижно значимые вещи. Благоприятные условия для этого сложились с образованием во

второй половине IV в. до н. э. в Крыму центров развитого товарного земледелия, где неизбежно должен был возрасти спрос на тягловый скот, стимулирующий развитие отгонного скотоводства. Остеологические материалы святилища из античных и средневековых слоев и письменные источники сравнительно недавнего времени (18, с. 35; 19, с. 53—54) позволяют сделать вывод, что на протяжении тысячелетий до самой недавней поры на богатейшей кормовой базе Главной гряды разводили преимущественно мелкий рогатый скот (20, с. 152—153; 21) как наиболее продуктивный и приспособленный к горным условиям. И единственным исключением является античный период, когда отгонно-пастбищное скотоводство ориентировалось на выращивание крупного рогатого скота.

Что же касается не экономической, а религиозной основы наблюдаемых изменений, то представляется единственно возможным рассмотреть с этой точки зрения духовную культуру поздних скифов. При сопоставлении атрибутики обрядности святилища у перевала Гурзуфское Седло с известной по позднескифским памятникам культового характера обнаруживается тождество целого ряда существенных признаков. Жертвенные ямки с костями животных и примесью золы в заполнении, специально подготовленные площадки двух типов для помещения вотивов и для разжигания огня, а также зольник, в котором ссыпались остатки сожженных, будучи основными элементами комплекса, сооруженного в тот период, когда святилище переживало расцвет, находят аналогии в культовых сооружениях общественного характера и в домашних жертвенниках поздних скифов (22). В скифской культуре обнаруживаются отчетливые параллели, связанные с поклонением огню, начиная со времен Геродота, рассказавшего о скифских божествах, в том числе о чтимой «более всего» Табити (Геродот, IV, 127), которую рассматривают не только как божество огня домашнего очага, но и считают воплощением огня во всех его проявлениях — жертвенном, небесном, солярном (23, с. 92).

И хотя скифские святилища огня не известны (24, с. 31), культ огня у скифов прослеживается в погребальной практике (25, с. 15; 26, с. 132—133), в почитании огня или алтаря (27, с. 63; 28, с. 194—195; 29, с. 205—233; 24, с. 31). Более всего с культом огня у скифов связаны зольники, которые играли роль общественных святилищ (26, с. 138; 30, с. 136; 31, с. 130; 32, с. 63—64). На Гурзуфском Седле зольник окружал сакральный центр и являлся одним из важных элементов структуры святилища. Сравнению поддаются и такие обряды, как разбивание в ритуальных целях статуэток, что было связано с представлением об умерщвлении и возрождении божества, с идеей плодородия, и сохранение в ямках в ритуальных

целях костей животных (33, с. 200). В рассматриваемых особенностях святилища у перевала Гурзуфское Седло и ряда позднескифских памятников прослеживается определенная общность, определенная связь, отразившаяся в чрезвычайно важной сфере духовной культуры — в ритуале.

На основании того, что деталям устройства святилища обнаружены параллели в скифских культовых памятниках, кажется возможным предположить, что найденные в нем новые шедевры античной металлопластики представляют в данном случае пантеон, восходящий своими корнями ко временам Геродота, но, безусловно, трансформировавшийся во времени и переосмысленный в местной культурной среде.

Свидетельство Геродота о скифском пантеоне получило подробную интерпретацию в работах скифологов (23; 24; 34, с. 41; 35, с. 220). Безусловно, скифы Геродота и поздние скифы — это совершенно различные общества, отделенные друг от друга длительным развитием в несколько сотен лет, что, впрочем, не исключает сохранения религиозной преемственности. Предполагается, что многие культы и обряды ранних скифов продолжали жить впоследствии, что в религии скифов поздних сохранялся пантеон (36, с. 51; 26, с. 133).

Известно, что иконографически в скульптуре самих скифов этот пантеон не нашел воплощения, так как делать статуи богов у них было не принято (Геродот, IV, 59). Впоследствии, со второй половины IV в. до н. э., получила распространение практика отбора и широкого применения произведений торевтики с разнообразными антропоморфными сюжетными композициями, созданными греческими мастерами и вполне соответствующих эстетическим и религиозным чувствам скифской знати (37, с. 16; 38, с. 70—71). Возможно, и перед нами новый пример использования замечательных памятников античного изобразительного искусства в варварской среде как вполне отвечающих вкусам создателей святилища, находящихся соответствие в их религии и, следовательно, интерпретируемых ими сообразно духовным потребностям общества.

Весьма интересным представляется сопоставление найденных на Гурзуфском Седле изображений греческих и восточных божеств со скифским пантеоном, включавшим Зевса-Пая, Посейдона-Тагимасада, Аполлона-Гойтосира, скифского Арья и женские божества Гестию-Табити, Афродиту-Аргимпасу, Гею-Апи. Среди статуэток явно отсутствует изображение Геракла, вместо которого представлен Гермес. Появление культов новых божеств — Гермеса, Деметры, — известное по изображениям на монетах Скилура, обусловленное эллинистическим влиянием, было связано с возросшей ролью торговли и земледелия в экономике поздне-

скифского государства (27, с. 28; 36, с. 51—52, 59). Учитывая обнаруживаемые связи населения Горного Крыма с античными центрами, зная об участии тавров в войнах на стороне Митридата VI в Малой Азии, а также и в других событиях, нельзя исключать возможности культурного заимствования, осуществлявшегося не только опосредованно, «транзитом» через скифскую культуру, но и посредством прямых контактов. И все же нам представляется, что пантеон святилища у перевала Гурзуфское Седло можно рассматривать как отражение скифского пантеона.

Подобный подход к интерпретации материалов святилища, как возможный и кажущийся наиболее приемлемым, требует пристального и детального исследования семантики каждого из образов, сопоставления с особенностями ритуала и планировки. Святилище у перевала Гурзуфское Седло дает редкую возможность изучения культов плодородия в скотоводческой среде.

На основании предлагаемой интерпретации культового комплекса конца I в. до н. э. — I в. н. э. требует своего решения вопрос о причинах и характере целенаправленного воздействия позднескифской культуры в период ее расцвета на идеологию населения Горного Крыма. Пока невозможно ответить на вопрос, в какой форме это происходило: было ли это этническое влияние, связанное с ассимиляцией (39, с. 169), или оно выразилось лишь во влиянии духовной культуры.

Предполагают, что государство поздних скифов так и не сложилось как развитый социальный организм с четко выраженными классами (27, с. 30; 40, с. 250—251). Возможно, что в процессе его развития как раннеклассового образования, когда значительную роль играли военно-политические контакты со стадийно близкими обществами, постоянная военная угроза способствовала политическому их сближению (15, с. 115). Возникновение культового комплекса по времени приблизительно совпадает с третьей сарматской волной около 16 г. до н. э. (41, с. 38). Вероятно, в связи с внешней угрозой в указанный период возможности выпаса скота в степных районах сокращаются и повышается значение высокогорных пастбищ. Тогда же в источниках впервые появляется упоминание о скифотаврах, которые «занимают хребет», согласно свидетельству Плиния Старшего (PL., N.H., IV, 85). Создание культового комплекса с общими религиозными символами, в котором важнейшую роль играл общий огонь, представленный царским очагом и его божествами (24, с. 36), несомненно ознаменовало какие-то важные события, происходившие в этот период в Горном Крыму.

Обряды сожжения не были полностью и органично восприняты в местной среде. Об этом

свидетельствует то обстоятельство, что в позднеантичное время следы применения огня в святилище больше не прослеживаются (как следствие упадка позднескифской культуры и ослабления ее влияния), и описанный культовый комплекс прекращает свое существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиченкова Н. Г. Работы Ялтинского краеведческого музея // АО. — 1982. — М., 1984.
2. Новиченкова Н. Г. Раскопки античного святилища // АО. — 1983. — М., 1985.
3. Новиченкова Н. Г. Раскопки святилища у Гурзуфа // АО. — 1984. — М., 1986.
4. Новиченкова Н. Г. Раскопки на Гурзуфском Седле // АО. — 1985. — М., 1987.
5. Новиченкова Н. Г., Новиченков В. И. Святилище у перевала Гурзуфское Седло / краткие итоги раскопок 1981—1985 гг. // Проблемы исследований античных городов. — М., 1989.
6. Крик Х. И. Таврские каменные ящики у Гаспры // КСИА. — 1966. — Вып. 107.
7. Щепинский А. А. Пещерные святилища времени раннего железа в Горном Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. — Киев, 1963.
8. Лесков А. М. Горный Крым в I тыс. до н. э. — Киев, 1965.
9. Бертъе — Деллагард А. Л. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. — Одесса, 1907. — Т. XXVII.
10. Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. — М., 1959.
11. Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: Тавры // ВДИ. — 1949. — № 4.
12. Пиоро И. С. Крымская Готия. — Киев, 1990.
13. Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. — 1947. — VII.
14. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. — М., 1990.
15. Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. — Киев, 1989.
16. Иванов В. В. Культ огня у хеттов // Древний мир. — М., 1962.
17. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. — М., 1980.
18. Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области. — СПб., 1785.
19. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. — СПб., 1795.
20. Вульф Е. В. Растительность Восточных яйл Крыма и их мелиорация и хозяйственное использование. — М., 1925.
21. Янاتا А. А. К вопросу о настоящей и будущей системе хозяйства на Крымской

- яйле (Из работ Отдела луговодства Партии крымских водных изысканий). Оттиск из ежегодника Отдела земельных улучшений за 1914 г. — Пг., 1916.
22. Н о в и ч е н к о в а Н. Г. К вопросу об этнокультурных связях в античной Таврике // «Античная цивилизация и варварский мир» Ч. II — Новочеркасск, 1992.
23. Р а е в с к и й Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977.
24. Б е с с о н о в а С. С. Религиозные представления скифов. — Киев, 1983.
25. В ы с о т с к а я Т. Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первых веках нашей эры. — Киев, 1983.
26. В ы с о т с к а я Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. — Свердловск, 1984.
27. Г р а к о в Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. — 1954, — № 36.
28. Ш р а м к о Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. — 1957. — № 1.
29. Ш р а м к о Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.
30. Ш у л ь ц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. — М., 1971.
31. Д а ш е в с к а я О. Д. Поздние скифы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
32. В ы с о т с к а я Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — Киев, 1979.
33. П о п о в а Е. А. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. — 1990. — № 3.
34. А л е к с е е в А. Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. — 1980. — Вып. 21.
35. Д ю м е з и л ь Ж. Скифы и нарты. — М., 1990.
36. В ы с о т с к а я Т. Н. Культа и обряды поздних скифов // ВДИ. — 1976. — № 3.
37. Г р а к о в Б. Н. Скифский Геракл // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIV.
38. Р а е в с к и й Д. С. Эллинские боги в Скифии? // ВДИ. — 1980. — № 1.
39. N. Novicenkova und Novicenkov. Das Heiligtum auf dem pab Garzufskoe Sedlo // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.
40. Х а з а н о в А. М. Социальная история скифов. — М., 1975.
41. Щ у к и н М. Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). — Новочеркасск, 1989.

**XVII. Гурзуфское Седло:
атрибутика обрядности святилища в сопоставлении с
религиозными воззрениями скифов**

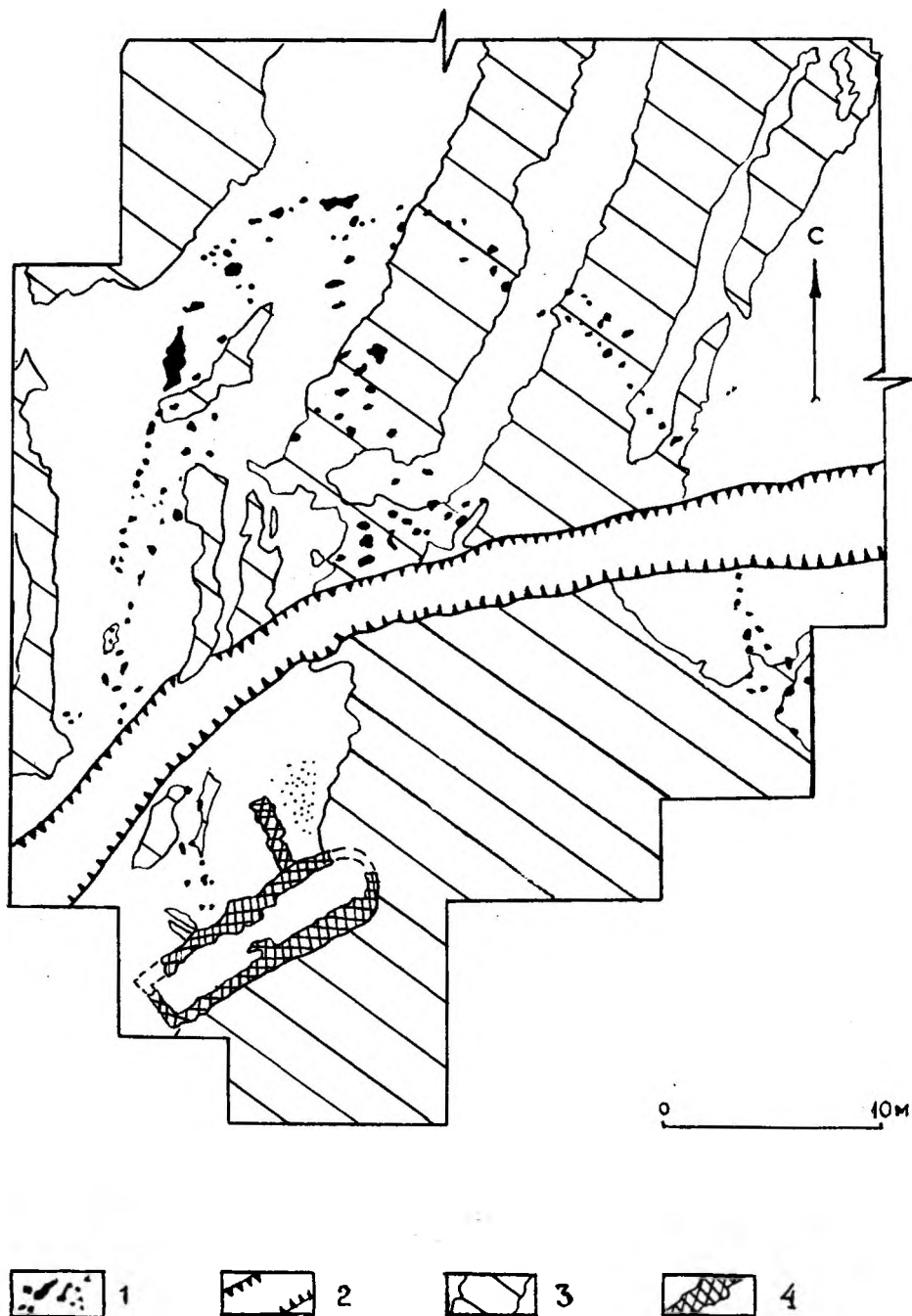

Рис. 1. План святилища у перевала Гурзуфское Седло: 1 — ямки; 2 — траншея газопровода; 3 — скала; 4 — фундамент средневекового сооружения.

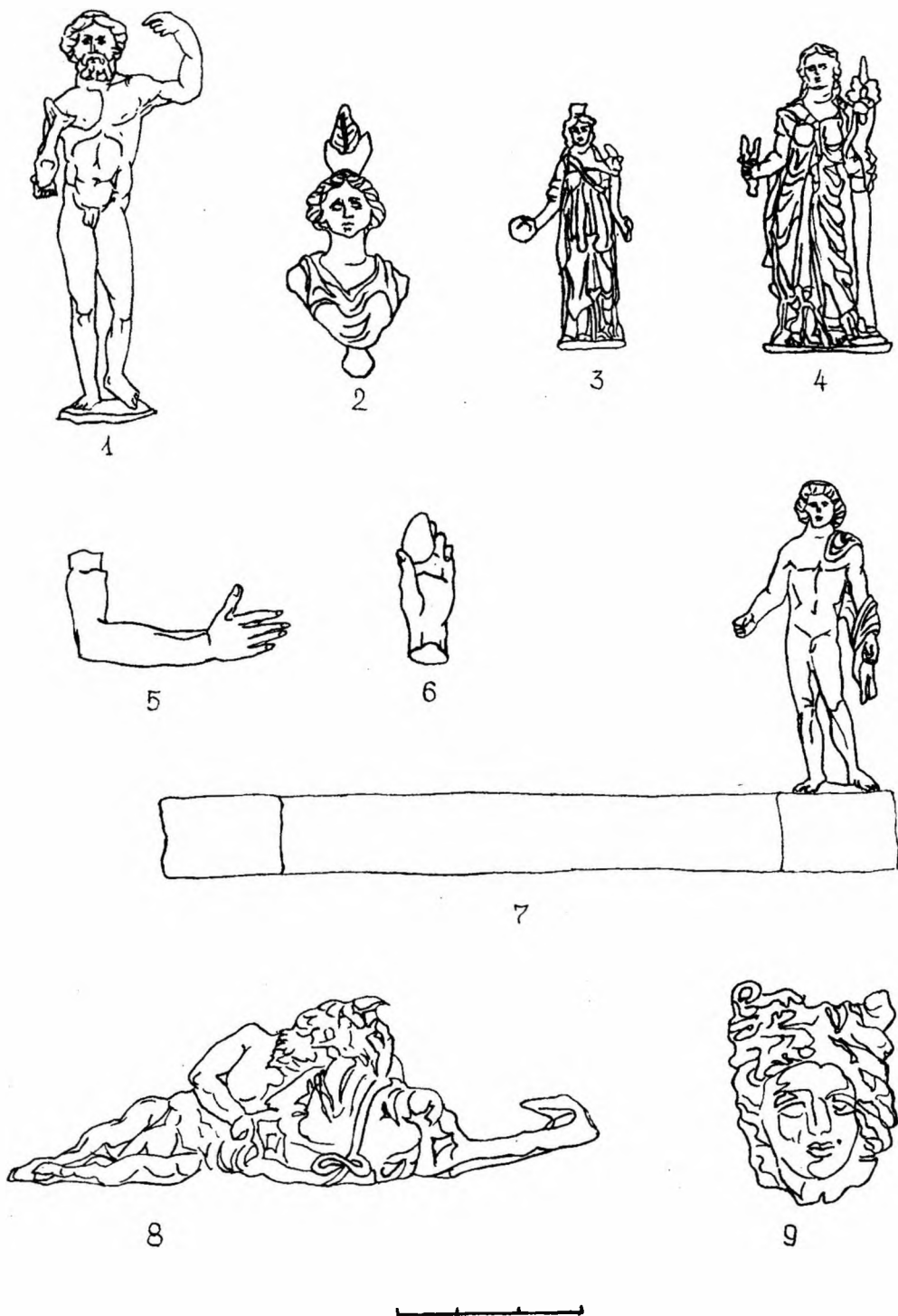

Рис. 2. Произведения античной металлопластики из святилища у перевала Гурзуфское Седло:
 (1, 5, 6 – серебро; 2, 7, 8, 9 – бронза; 3, 4 – серебро с позолотой).

1

2

3

4

5

Рис. 3. Античные металлические статуэтки из святилища у перевала Гурзуфское Седло: 1, 2 — серебро, 3-5 — бронза. Рисунки Дорохиной Е. В.